А.М. Сунгурский

СЛЕПЫЕ ЗВЁЗДЫ

А.М. Сунгурский

Слепые звёзды

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Слепые звёзды / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Ольга Елагина учит детей узнавать звёзды. Но однажды знакомая точка исчезает из ночного неба — хотя на старых снимках остаётся на месте. Затем во дворе учебного центра выпадает августовский снег и появляется каменная лестница, уходящая вверх без опоры.Из четырёх человек, поднявшихся по ней, возвращается один. Он приносит медный фонарь и не может объяснить, куда делись остальные. Ольга идёт за ними в Предел, где чужое солнце не движется, стены меняют дороги, а свет способен и открыть проход, и дотянуться до человека через всю галерею.Кто-то здесь нуждается в помощи. Кто-то умеет добиваться её чужими руками. Чтобы вернуть пропавших, Ольге придётся понять, кому она открывает дверь — и чем готова заплатить за ответ.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тёмная точка 5
Глава 2. Вчерашнее небо 10
Глава 3. Снег в августе 15
Глава 4. Те, кто поднялся 19
Глава 5. Сколько ещё осталось 24
Глава 6. У нижней ступени 29
Глава 7. Люди для дороги 33
Глава 8. Первый поворот 37
Конец ознакомительного фрагмента. 40

А.М. Сунгурский
Слепые звёзды

Глава 1. Тёмная точка

Мальчик спросил, почему звезда есть только в помещении.

Ольга уже заперла дверь центра. В одной руке у неё оставалась связка ключей, в другой — пакет с недоеденным тортом. Она остановилась под козырьком, стараясь не наклонять пакет. Крем понемногу сползал к прозрачной стенке коробки, и казалось, ещё одно неосторожное движение окончательно погубит оставшийся кусок.

— Какая звезда?

Егор ткнул в лист, который они раздавали после сеанса. В темноте Ольга увидела только белую полоску бумаги и его палец. Дед мальчика уже открыл машину и теперь стоял, опершись локтем о верх дверцы. Судя по выражению лица, дома их давно ждали.

— Та, которую вы обводили.

— На улице светло. Часть звёзд не видно из-за фонарей.

— А рядом видно.

Ольга переставила пакет в левую руку, вместе с ключами, и взяла лист. На обороте осталось жирное пятно: Егор ел торт прямо на карте, хотя за десять минут до этого грозился хранить её всю жизнь. Он получил подарок от деда — отдельный вечер в маленьком планетарии — и не позволил никому уйти, пока не кончились его вопросы.

Обычно Ольга любила таких детей. Сегодня к девяти вечера у неё успели побывать две группы, одна из которых явилась на час раньше и требовала начать без остальных. Потом заклинило дверь подсобки. Потом Егор спросил, может ли человек долететь до места, где кончается всё, а дед предложил сначала хотя бы выучить таблицу умножения. Пришлось разнимать их спор, стоя в темноте между последним рядом кресел и небольшим куполом, который сам уже нуждался в краске.

Теперь мальчик решил продлить свой подарок во дворе.

— Ты правильно повернул карту?

— Вы же показали.

— Я показала в зале. Здесь мы стоим по-другому.

— Я тоже повернулся.

Дед негромко засмеялся.

— Ольга, не связывайтесь. Он с сегодняшнего дня знает, что всё вращается, и нас теперь покоя лишит.

— Ольга Николаевна, — поправил Егор.

— Спасибо. Я запомнил.

Ольга вернула мальчику карту и подняла лицо. Прямо над двором мешала лампа на соседнем здании. За ней виднелся светлый верх дерева, дальше — узкая полоска неба между крышами. С этой точки она сама не стала бы ничего показывать. Ей хотелось сказать это, попрощаться и пойти к остановке, пока коробка ещё сохраняла сходство с коробкой.

Вместо этого она попросила:

— Отойди со мной вон туда. Только за край дорожки не наступай.

Егор сразу побежал.

— Со мной, — повторила она.

Он вернулся на два шага, как будто именно этих двух и не хватало для выполнения просьбы.

За зданием центра оставался небольшой тёмный участок. Днём там лежали доски, которые хозяин никак не мог вывезти, но к вечеру рабочие собрали их в аккуратную стопку возле ограды. От соседнего фонаря заслоняла стена. Ольга поставила пакет на верхнюю доску и дала глазам привыкнуть.

Дед подошёл следом, заперев машину. Посмотрел на часы, но ничего не сказал.

Егор поднял карту обеими руками.

— Вот она. Здесь две маленькие. Потом эта. Вы сказали, сначала её искать.

Ольга отвела его лист в сторону. В том месте, на которое он указывал, не было крыши, провода или ветки. Она нашла соседние звёзды, ещё раз опустила взгляд к красному кружку на бумаге и снова посмотрела вверх.

Одна из маленьких едва различалась. Вторая горела отчётливо. Между ними и знакомым ярким краем рисунка оставалось пространство, куда глаз настойчиво пытался поставить недостающее.

— Может быть, тонкое облако, — сказала она.

Мальчик помолчал.

— Маленькие бы тоже закрыло.

— Не обязательно все сразу.

Ольга сняла очки, вытерла стёкла краем своей хлопчатобумажной рубашки. Тут же рассердилась на себя: для протирки в сумке лежала салфетка. Но сумка висела на другом плече, а она всё ещё старалась удержать взглядом пустое место, будто оно могло переместиться, пока она отвлечётся.

— У вас есть приложение? — спросил дед. — Сейчас же телефоном наводишь, и оно всё пишет.

— Есть.

— Посмотрите. Нам скажете, и мы поедем. А то завтра он объявит, что единственный в Перми заметил пропажу.

Ольга достала телефон. Экран ударил по глазам. Пришлось уменьшить яркость, отвернуться к стене и подождать, пока перестанет расплываться светлый прямоугольник. Егор стоял рядом совершенно тихо. В зале он не сумел промолчать и трёх минут.

Она не стала включать наложенную на камеру картинку. Открыла сохранённую карту, которой пользовалась для подготовки вечерних занятий, и проверила, не перепутала ли сама участок неба. Уставший человек вполне способен уверенно показать чужое место, особенно если десять раз подряд объяснял одно и то же.

Знакомый рисунок оставался прежним.

— Там есть? — спросил мальчик.

— На карте есть.

Он кивнул с видом человека, который ровно об этом и говорил.

Ольга убрала телефон и опять подняла голову. Егор, кажется, хотел сказать ещё что-то, но дед положил ладонь ему на плечо.

— Давай Ольгу Николаевну отпустим. У неё рабочий день закончился.

— Она сама смотрит.

— Вот именно. А ты будешь потом при каждом ужине рассказывать, что ей мешали.

Ольга усмехнулась. С мальчиком можно было бы остаться ещё на полчаса; с дедом — тоже, если бы он не поглядывал на светящуюся циферблатом руку. От них пахло поздним семейным праздником: сладкой бумагой от подарка, нагретым салоном машины, одеколоном, которым человек пользуется по важному поводу. Ей стало неловко задерживать их возле чужих досок.

— Егор, я завтра проверю. Хорошо?

— А мне скажете?

— Скажу дедушке. Телефон у меня есть.

— Может, она упала?

Он произнёс это тише, чем прежние вопросы.

Ольга присела, чтобы видеть его лицо. Теперь над стеной оставался только узкий кусок неба, и отсутствие в нём одной точки уже нельзя было различить.

— По тому, что мы сейчас увидели, нельзя сказать, что с ней что-то произошло. Между нами много всего. Мы пока знаем только, что её не видим.

Мальчик внимательно посмотрел на неё.

— Вы так говорите, когда ещё не знаете?

— Да.

— А дед говорит: потом объясню.

— Я иногда тоже, — призналась Ольга.

Дед повернул его за плечи к машине.

— Вот и договорились. Все пока ничего не знают, а ехать уже пора.

Они попрощались. Егор дважды обернулся по дороге, после чего дед взял у него карту: мальчик шёл, глядя на небо, и успел наступить в единственную оставшуюся у бордюра лужу.

Ольга дождалась, пока машина выедет со двора. Снова взяла пакет с доски. Один ключ придавил ручку, и пришлось распутывать их в темноте. Она уже сделала несколько шагов к воротам, когда заметила в стекле двери собственное отражение.

За стеклом голубел дежурный экран. Ольга остановилась перед дверью, глядя сквозь отражение своего лица в пустой коридор. Бинокль остался в шкафу возле рабочего стола.

Она повернула обратно.

***

Ключ от наружной двери всегда заедал на последней четверти оборота. Ольга поставила торт у стены, потянула дверь на себя и только после этого справилась с замком. Внутри пахло тёплым пластиком и полом, вымытым слишком душистым средством. Из подсобки вышла Зинаида Васильевна, убиравшая после сеансов.

— Вы же ушли.

— Забыла бинокль.

— А я уже вашу коробку искала. Думаю, опять оставит до утра, а виновата буду я.

— Коробка со мной.

— Ну и хорошо. Только в зал не ходите, пол ещё мокрый.

Ольга кивнула. После дворовой темноты коридор казался невероятно ярким. Здесь было всё, с чем она умела обращаться: низкая вешалка для детских курток, два потерянных шарфа на полке, расписание занятий под стеклом. За стекло попала маленькая мошка и высохла возле напечатанного слова «Вселенная». Ольга несколько дней собиралась её убрать.

Бинокль лежал в шкафу возле рабочего стола. Она проверила ремень, сняла крышки и поискала мягкую салфетку. На столе всё ещё стоял пластиковый стаканчик с тремя забытыми ложками. Рядом мальчик оставил свечку в форме единицы — из числа десять. Ноль дед унёс, а эту не заметил.

Ольга положила свечку в ящик, чтобы вернуть при случае.

— Вам завтра к которому часу? — спросила Зинаида Васильевна.

— К двенадцати.

— Значит, утром не ждать?

— А что?

— Хозяин обещал приехать со своей лестницей. До ламп достать. Если снова не приедет, я на эти стулья больше не полезу.

— И не надо лезть. Я ему напишу.

Она набрала короткое сообщение, получила привычное «завтра буду» и показала ответ.

— Он вам красиво пишет, — сказала Зинаида Васильевна. — Мне так не умеет.

Прежде чем снова выйти во двор, Ольга отнесла торт в комнату для сотрудников и предупредила, что заберёт позже. Никому не обещала быстро вернуться.

Бинокль помог найти две слабые точки, которые прежде терялись в общем свете. Возле них появилось ещё несколько. Она упёрла локти в верх ограды, добилась спокойной картинки и повела взглядом по знакомому промежутку.

Чёрное место не стало больше. У него вообще не было края.

Она опустила бинокль, нащупала колёсико наведения и снова посмотрела. Потом перевела его на другой участок, где уверенно различала нужную звезду. Та расплылась, собралась в маленькую светлую точку, ещё раз расплылась, когда Ольга нарочно повернула колёсико в другую сторону.

Прибор слушался руки.

Она вернулась к прежнему месту.

За оградой прошли двое. Один нёс пустую спортивную сумку, которая хлопала его по бедру. Он заметил женщину с биноклем, толкнул спутника локтем, но оба прошли мимо. Ольга поймала себя на желании окликнуть их и показать. Потом представила, как будет объяснять двум усталым незнакомцам, где именно ничего нет, и промолчала.

Ей нужен был человек, который помнил это небо.

Леониду Кругову звонить не хотелось. Он непременно спросил бы, сколько времени она наблюдала, с какой точки, что происходило по соседству, почему она решила, что дело не в её глазах. Все вопросы были правильные. Самое неприятное состояло в том, что, задав их, он мог в конце сказать: «Ну вот видишь», — хотя она ещё ничего не увидела бы.

Ольга открыла переписку с Андреем.

Последним там было его сообщение: «Завтра заберу». Над ним — её фотография чёрного чехла, забытого им уже второй раз. Никаких звёзд.

Она позвонила.

Он ответил после долгих гудков.

— Если чехол сам заговорил, скажи, что завтра заберу.

— Ты где?

— Дома. Это пока предварительное решение. Что случилось?

— Мне надо посмотреть ваши старые съёмки со двора.

— Наши с кем?

— Твои. Когда мы делали ролик про вечерние занятия.

— Ты его всё-таки решила выложить?

Ольга переступила с одной ноги на другую. За время разговора рука с биноклем успела затечь.

— Мне нужно само небо. Без людей. Ты тогда снимал отдельно.

— Снимал. Что ищешь?

Она могла ответить осторожно и длинно. Рассказать про ребёнка, карту, фонари, бинокль, чтобы до главного добраться уже за стеной разумных сомнений. Вместо этого сказала:

— Звезду не вижу.

На том конце помолчали.

— Одну?

— Пока одну.

— Оля, я могу тебе прислать исходник. Только в исходнике тоже половины не видно. Мы там полчаса ругались из-за света у соседей, помнишь?

— Помню. Пришли ту часть, где ты потом переставил камеру.

— Хорошо. Подожди минут десять.

Она поблагодарила, но не отключилась. Андрей тоже почему-то оставался на линии.

— Ты ещё на работе?

— Во дворе.

— Одна?

— Зинаида Васильевна внутри.

— А.

— Что «а»?

— Хотел спросить, не отвезти ли тебя. Теперь боюсь, что она тоже согласится. Она со мной в прошлый раз до самого дома разговаривала, а у меня звук потом из головы не выходил.

— Она тебя спасла. Ты собирался выезжать с открытым багажником.

— Я просто проверял, насколько она внимательная.

Ольга засмеялась. От смеха стало легче дышать; только теперь она заметила, как долго держала плечи поднятыми.

— Пришли запись, — сказала она. — Я пока ещё посмотрю.

После разговора она вернулась за тортом, выключила свет в своей комнате и попросила Зинаиду Васильевну не ждать. Та взяла сумку, заглянула в лицо Ольге и вдруг перестала шутить.

— Что-нибудь нехорошее?

— Не знаю.

— Ну, если узнаете, мне сразу не надо. Сначала сами разберитесь.

Она ушла через двор, привычно обходя выбитое место у ворот. Ольга смотрела вслед, пока женщина не скрылась за углом. Потом присела на широкую нижнюю ступень у входа. Камень ещё хранил дневное тепло.

От Андрея пришёл файл.

Она надела наушники, хотя звук ей был не нужен. Запись начиналась с его дыхания и короткого ругательства: он слишком резко повернул штатив. На экране появилась верхушка дерева, медленно ушла вниз, и небо заняло почти весь кадр. Справа лежало мутное светлое пятно от соседней лампы. Потом камера остановилась.

Ольга отыскала знакомые точки. Увеличила изображение настолько, насколько позволял экран. Отдельные звёзды превратились в неровные светлые пятнышки. Она уменьшила картинку обратно и поставила на паузу.

Та, которую обвёл Егор, была на месте.

Из наушников донёсся её собственный голос. Она случайно задела воспроизведение.

— Подожди, я отойду, — сказала женщина в записи.

— Стой где стоишь, — ответил Андрей. — Ты мне не мешаешь.

Ольга остановила файл. Некоторое время сидела, держа телефон обеими руками. На старом небе горела маленькая белая точка. Подняв голову, она находила вокруг неё те же соседние огни — и пустоту посередине.

Она ещё могла уйти. Дома лежало бельё, которое следовало снять с сушилки; на завтра оставались две неоплаченные записи и обыкновенная работа. Сейчас можно было лечь, а утром выяснить, что тонкая облачность, ошибка наведения и усталость устроили ей личное представление.

Ольга положила бинокль на ступень рядом с собой и достала рабочую тетрадь. Открыла новый лист, оперев тетрадь прямо на коробку с тортом. Записала время. Потом — место, откуда смотрела. Ниже оставила строку для объяснения.

Пальцы несколько раз повернули ручку, пока она подбирала первое слово.

Строка осталась пустой.

Глава 2. Вчерашнее небо

Утром Андрей привёз чехол для чехла.

— Чтобы первый не забыл, — объяснил он, показывая большую сумку. — Положу маленький в большой, большой пристегну к себе. Если останусь, меня по крайней мере найдут вместе с вещами.

Ольга отодвинула для него коробку с раздаточными картами. Он поставил сумку на стол и сразу потянулся к ящику, где она хранила переходники. Раньше это казалось ей естественным. Теперь она заметила, что Андрей знает устройство её стола лучше некоторых людей, которые здесь работали.

— Ты спала?

— Спала.

— Дома?

— Очень смешно.

Он достал компьютер. На крышке возле петли облезла наклейка с лисой; из двух ушей у неё осталось одно. Ольга несколько месяцев назад собиралась подарить ему новую наклейку, потом решила, что это слишком маленький подарок, чтобы давать без повода, и слишком глупый для повода.

Она плохо помнила, как вчера доехала. Помнила торт, который оставила в холодильнике, не снимая пакета; помнила ещё одну попытку посмотреть в окно уже из собственной кухни. Оттуда нужный участок закрывал дом. Нелепое препятствие разозлило её больше самой пропажи: она жила здесь восемь лет и только ночью обнаружила, что дом стоит не там.

Андрей открыл папку с датой съёмки. На экране было несколько десятков файлов.

— Сразу говорю: никаких отдельных доказательных звёзд я тогда не снимал. Вот здесь мы проверяли, не дрожит ли штатив. Здесь ты показывала, где кончается дерево. Здесь я уже собирался, а ты попросила ещё чуть-чуть.

— Последнее посмотри.

— С последнего и прислал.

Он запустил запись. В комнату вернулся их прошлый разговор, лёгкий и ненужный, как голоса людей за открытым окном. Ольга попросила выключить звук.

На большом экране недостающая точка была видна лучше. Андрей увеличил изображение, подвёл курсор, убрал его по её просьбе. Светлое пятнышко держалось на одном месте относительно соседних звёзд. Не перескочило, не исчезло вместе с движением камеры. Они посмотрели другой кусок, затем тот, где Андрей поправлял опору. Рисунок сдвинулся целиком.

— Ну? — спросил он.

— На этой записи есть.

— Спасибо. Я уже боялся, что ты скажешь: это ещё надо доказать.

Она не улыбнулась.

Андрей откинулся на стуле.

— Оля, вчера я думал, у тебя глаза устали. Сейчас понимаю, что ты всё равно заставишь меня стоять до ночи во дворе. Давай хотя бы заранее договоримся о еде.

— Я не заставляю.

— Тогда предлагаю сам. С условием: ты не забудешь, что я предложил, и не будешь извиняться каждые полчаса.

В дверь постучали. Вошёл хозяин центра, таща алюминиевую стремянку. Её нижние концы цепляли пол, и он при каждом шаге чуть приподнимал плечо.

— Утро доброе. Где наша требовательная женщина?

— Зинаида Васильевна вечером будет, — сказала Ольга.

— Значит, до вечера надо успеть.

Он остановился у стола. На экране всё ещё стояло ночное небо.

— Новый ролик?

— Проверяем старый.

— Хороший был. Жалко, что так и не выложили. Люди должны видеть, за что платят.

Ольга почувствовала, что сейчас скажет ему про пропавшую звезду. Он удивится, позовёт кого-нибудь ещё, начнёт задавать те же вопросы; за полчаса их маленькая комната наполнится событием, на которое уже нельзя будет просто посмотреть ночью и признать ошибку.

— Там звук надо доделать, — сказал Андрей.

Хозяин кивнул и понёс лестницу в коридор.

— Спасибо, — сказала Ольга.

— За звук? Он правда плохой.

Андрей не смотрел на неё, подключая внешний диск.

Они скопировали исходные файлы. Потом Андрей взял из ящика свой маленький чехол и действительно убрал в большую сумку.

До вечера оставалась почти вся жизнь. Дети толпились у вешалки, кто-то потерял носок, хотя обувь ещё не снимали. Мать одного мальчика попросила не говорить про бесконечность: после прошлого занятия сын боялся засыпать. Ольга пообещала сегодня говорить про Луну и сама удивилась облегчению. У Луны были освещённая и тёмная стороны, знакомые вопросы и картонная модель, которую можно было вращать руками. На большом шаре давно отклеился небольшой кружок; Ольга приклеила его, пока дети спорили, кому держать фонарик.

Во время второго занятия она сбилась. Назвала девочку именем из первой группы и не сразу поняла, почему та молчит. Девочка смотрела прямо на неё, держа картонную Луну у живота.

— Я Ася.

— Прости, Ася. Это моя ошибка.

— Я знаю.

Ольга впервые за день засмеялась без усилия.

После сеанса она позвонила деду Егора. Тот ответил шёпотом: сидел где-то на собрании. Когда услышал, кто звонит, вышел в коридор.

— Нашли?

— На прежних кадрах она есть. Сегодня посмотрю снова.

— А самому ему так и сказать?

— Так и скажите. Я обещание помню.

— Он просил спросить, можно ли ту свечку забрать.

Ольга посмотрела на закрытый ящик.

— Конечно. Она у меня.

— Видите, у него две большие заботы. Пока не решил, какая больше.

Когда разговор закончился, Ольга достала единицу и положила в отдельный конверт. Написала: «Егору». На обратной стороне чуть не начала записывать новый список наблюдений, но остановилась и взяла другой лист.

***

Вечером они ели возле ограды, где вчера стоял мальчик. Андрей принёс контейнер с гречкой и курицей, два яблока и одну вилку.

— Всё предусмотрено, кроме тебя, — сказал он.

Ольга нашла в центре ложку. За время, пока ходила, Андрей успел поставить камеру и разложить на досках две салфетки. Они ели по очереди, чтобы не уронить контейнер между

щелей, и обсуждали женщину, которая заказала ему съёмку семейного праздника, но потребовала не показывать половину семьи.

— Она сказала: снимите всех, потом решим, кто останется.

— По-моему, разумно.

— Я тоже так подумал, пока она не спросила, можно ли перемонтировать прошлую свадьбу.

Ольга засмеялась с полным ртом, закашлялась. Андрей протянул воду. Пока она пила, небо успело потемнеть ещё немного; разговор как будто сам отступил к краю двора.

Недостающую звезду они не нашли.

Андрей снимал несколько минут, пока Ольга смотрела в бинокль. Потом поменялись. Он долго искал нужный участок и сердился, когда она пыталась поправить его локоть.

— Не меня двигай. Скажи, куда.

Она объяснила снова. Ей показалось, что он нарочно медлит. Потом стало стыдно: за день она уже несколько раз мысленно стояла здесь и привыкла к отсутствию так же, как обычно привыкают к вещи.

— Нашёл, — сказал Андрей. — То есть место нашёл.

Он опустил бинокль.

— Я бы ничего не заметил. Честно.

— Я тоже.

Они стояли рядом, слушая, как на соседней улице кто-то долго пытался завести машину. Двигатель схватывал, затихал, снова начинал. В каждом таком усилии было больше уверенности, чем в том, чем занимались они.

Ольга достала телефон и набрала Леонида.

Он ответил сразу, словно держал аппарат в руке.

— Оля, привет. Ты вовремя. У нас тут один человек утверждает, что детям нельзя показывать Солнце слишком большим. Боятся. Ты как думаешь?

— Я думаю, тебе надо посмотреть запись.

Её тон заставил его замолчать.

Она рассказала. Не про торт и свечку, не про собственное отражение в дверях, а про участок неба, старые кадры и два вечера подряд. Леонид не перебивал. Только один раз уточнил, нет ли между соседними точками провода, которого она не замечает из-за темноты. Ольга ответила слишком быстро.

— Хорошо, — сказал он. — Пришли оба файла. Оригиналы, если сохранились.

— Сохранились.

— И не проси меня по телефону сказать, что это такое.

— Я не прошу.

— Вот и славно. Сейчас переставлю свой разговор на завтра.

Ольга отключилась. Андрей смотрел на неё с вопросом.

— Приедет?

— Не сказал.

Она отправила файлы, потом попросила Андрея снять двор целиком: стену, ограду, дерево, свободный промежуток. Он выполнил просьбу молча. Лишь закончив, показал ей короткий кадр, где она стояла у досок с поднятой головой.

— Это можно оставить?

— Для чего?

— Для этой истории.

Ольга посмотрела на собственное лицо. Оно было гораздо более испуганным, чем она чувствовала себя в тот момент. Свет от экрана снизу подчёркивал щёки, и женщина в кадре казалась чужой.

— Пока никуда не выкладывай.

— Я спросил, можно ли оставить.

— Можно.

Он выключил просмотр.

***

Леонид приехал на следующий день с бумажным пакетом черешни, которую ему сунули дома и которую он не успел съесть. Поставил пакет между ними и спросил, есть ли миска.

Он был в светлой куртке с тёмным пятном возле кармана. Ольга знала это пятно с весны. Леонид каждый раз говорил, что куртку пора выбросить, а потом появлялся в ней снова. С возрастом он немного сутулился, но по-прежнему входил в комнату так, будто именно здесь находилось дело, ради которого стоило вставать утром.

— Я спросил у знакомых, кто вчера снимал эту сторону, — сказал он. — Двое прислали. Один в городе, другой далеко от нас. Вот.

Он разложил ноутбук, включил изображение, написал на пустом листе три места и даты. Ольга придвинула стул. При нём ей снова захотелось сперва вымыть черешню, убрать со стола, сказать, что наблюдения ещё предварительные. Она заставила себя остаться на месте.

На городском снимке нужной точки не было. На втором она светилась.

— Снимали в ту же ночь? — спросила Ольга.

— Да. Это мне ответил человек, который сам держал камеру. Оригинал у него. Пересланный файл не превращается в истину только потому, что я знаю владельца.

— Но есть.

— Есть.

Он не сказал «ну вот видишь». От этого ей стало тревожнее.

Леонид открыл их новый фрагмент. Сравнил положение соседних огней, несколько раз переключил изображения.

— Нельзя пока говорить, что исчезла звезда. Можно говорить, что с одной стороны её видят, а с другой нет.

— Я так и сказала мальчику.

— Мальчику проще. Он не напишет тебе статью в ответ.

Ольга подняла на него глаза.

— Ты кому-нибудь ещё отправил?

— Отправил людям, которые могут проверить. С твоим именем. Ты думаешь, я её у тебя заберу?

— Нет.

Ответ вышел слишком быстрым второй раз за два дня. Леонид услышал это и не стал щадить её улыбкой.

— Я тоже сначала никому не хотел бы показывать. Но если прятать, останется одна удивительная картинка. Удивительных картинок сейчас на всех хватит.

Он попросил провести его во двор. Ольга повела через коридор, где стало светлее после замены ламп. Возле двери он задержался перед расписанием занятий.

— Ты всё ещё ведёшь четыре группы подряд?

— Иногда пять.

— Устанешь.

Она хотела сказать, что уже устала. Вместо этого показала, где стоял Егор.

Леонид обошёл доски, посмотрел вверх, хотя было светло, потом вниз — на узкую полоску земли между оградой и дорожкой. Там росла трава, которую редко косили. На одном стебле застряло что-то похожее на белую нитку от упаковки.

— Вчера здесь ничего не лежало? — спросил он.

— Что именно?

— Не знаю.

Он нагнулся, снял со стебля нитку и растёр между пальцами.

Она исчезла. На подушечке большого пальца осталась вода.

Ольга присела рядом. Под досками, в тени, белела мелкая крупа. Сначала она подумала о крошках от штукатурки. Протянула руку и сразу почувствовала холод.

Леонид стоял над ней, держа мокрый палец на весу.

Из комнаты для сотрудников донёсся голос Андрея. Он пришёл раньше назначенного и звал их пить чай.

— Подожди, — сказала Ольга.

Голос получился негромким. Андрей не услышал.

В щели между досками лежал снег.

Глава 3. Снег в августе

Первый комок растаял в чайном блюдце.

Андрей принёс блюдце из центра, и Ольга осторожно соскребла в него снег с верхней доски. Пока шли обратно, белая крупа осела, стала прозрачной, исчезла. Осталась вода с маленькой чёрной соринкой.

— Морозильник, — сказал хозяин, когда они показали ему блюдце. — Кто-то размораживал и вынес. У соседей же торговля.

Он говорил с облегчением человека, которому принесли разрешимую неприятность. Пообещал выяснить, запретить, поговорить с уборщицами. Леонид попросил не выбрасывать доски и пока никого не пускать за ограду.

— Из-за снега?

— Из-за того, что мы не знаем, откуда он взялся.

Хозяин посмотрел на Ольгу. Она впервые не помогла ему перевести Леонидовы слова на язык мелких хозяйственных дел.

Днём больше ничего не случилось. В тени под досками снег держался дольше, чем должен был, но Ольга не знала, сколько именно он должен держаться. Сходила к соседям. Продавщица мороженого дала потрогать крышку работающего ларя и с обидой сказала, что им самим некогда размораживать, а уж чужой двор поливать совсем незачем.

К вечеру доски сдвинули. Под ними обнаружилась полоса белой крупы шириной с Ольгину ладонь, совершенно прямая, словно по земле протянули толстую нитку. Она шла от стены к ограде и продолжалась за ней, между стеблей.

Леонид стоял на коленях. Провёл ладонью над полосой, не касаясь её, потом попросил Андрея снять сбоку.

— Ты чувствуешь? — спросил он Ольгу.

Та присела рядом. Над снегом действительно тянуло холодом. Не от земли вверх: тонкая струя шла наискось, будто из приоткрытой двери. Ольга поднесла к ней пальцы, и у неё мгновенно заныли костяшки.

Она подняла руку выше. Холод пропал.

— Ещё раз, — сказал Леонид.

— Не командуй.

Он удивлённо посмотрел на неё и тут же кивнул.

— Прости. Покажи, где заканчивается.

Ольга повторила движение медленно. Андрей опустил камеру почти к самой земле. В кадре ничего не менялось, кроме её руки.

Леонид достал из кармана сложенный лист. Поднёс его к невидимой щели. Нижний угол дрогнул и вытянулся в сторону двора.

— Дует, — сказал Андрей.

Все трое подняли головы. За оградой стояли деревья; дальше тянулся обычный двор с гаражами. Там не было ни двери, ни трубы, ни снежного склона, с которого могло бы тянуть так холодно.

***

Ночью Ольга проснулась от звонка.

Она успела подумать о матери, прежде чем увидела имя Андрея. Села, пытаясь одновременно ответить и найти очки. Те лежали у кровати, но рука попала на книгу.

— Приезжай, — сказал он.

— Что?

— Оля, одевайся. Я заеду. Только не в тех туфлях, в которых вчера была.

— Ты где?

— От центра выехал. Леонид там.

— С ним что-то?

— Нет. С ним всё нормально. Он мне позвонил, я приехал. Теперь к тебе.

Она уже стояла посреди комнаты, держа очки за одну дужку. Ответы не складывались в картину, и от этого было страшнее.

— Андрей. Скажи, что случилось.

Он помолчал. В трубке было слышно, как включился поворотник.

— Там лестница.

Ольга посмотрела на свои домашние тапочки. Её раздражило собственное облегчение: конечно, лестница, хозяин привозил, оставил, кто-то ночью нашёл и теперь почему-то звонит.

— Какая лестница?

— Ты увидишь. Я не знаю, как тебе сказать.

Она оделась за несколько минут. Вышла в подъезд и вернулась за курткой. В квартире пахло несъеденным тортом; холодильник опять закрывался неплотно, если коробку придвигали к краю. Ольга поправила её, прижала дверцу и в этот короткий миг захотела, чтобы Андрей просто ошибся.

Он ждал с включёнными фарами. На соседнем сиденье лежала его камера, ремень путался возле рычага передач. Ольга переложила её на колени. Андрей попросил пристегнуться.

— Ты её снял?

— Да.

— Покажи.

— Там две минуты ехать после поворота.

Она хотела настоять, но он вдруг добавил:

— Я сначала смотрел на экран. Потом понял, что через него проще. Не хочу, чтобы ты тоже сначала через экран.

Ольга ничего не ответила. Прижала камеру обеими руками, чувствуя ещё тёплый корпус.

Во дворе горел свет. Хозяин стоял у ворот в расстёгнутой ветровке; рядом с ним — молодой полицейский и женщина с телефоном. Сначала Ольга заметила именно их. Потом — белый край над оградой.

Каменные ступени начинались в траве, проходили через место, где вчера лежали доски, и поднимались над двором. Нижние были широкими, почти во всю дорожку. Дальше лестница сужалась не так, как сужается вдали обычная лестница: верхние ступени оставались близкими, отчётливыми, а дерево за ними почему-то казалось гораздо меньше.

На камне лежал снег. Его было немного — в углах, возле коротких тёмных выступов, похожих на обломки перил. Лампа соседнего дома освещала нижнюю площадку, но уже через несколько шагов свет становился другим, сероватым и ровным.

Ольга отдала Андрею камеру.

— Сколько её?

— Не знаю.

Наверху лестница поворачивала. За поворотом виднелась чёрная стена, хотя в том направлении не было здания такой высоты. Стена не закрывала небо целиком. По обе стороны от неё оставались звёзды.

Леонид подошёл к ним с мокрыми ладонями.

— Не поднимались, — сказал он прежде, чем Ольга успела спросить. — Только нижнюю потрогал.

Полицейский услышал и обернулся.

— Вы сказали, что встали на неё.

— На первую. До второй не дошёл.

Молодой человек посмотрел на ступени, потом на экран собственного телефона. Ольга увидела, как сильно он держит аппарат: ноготь большого пальца побелел.

— Я сейчас передам ещё раз, — сказал он. — Вы пока за мной не ходите.

Леонид кивнул, хотя никто за полицейским и не собирался.

Ольга приблизилась к нижнему камню. Холод шёл оттуда той же узкой струёй, которую она вчера ловила рукой. На траве у края медленно набухала капля. Потом оторвалась, упала на землю. Ступень была настоящей хотя бы настолько, насколько настоящими бывают вещи, с которых капает вода.

— Можно? — спросила она.

Леонид уже протянул руку, чтобы помочь. Ольга покачала головой.

— Я не наверх. Рядом пройти.

Она обошла нижний край. Сбоку камень был тёмным, мелкозернистым, без следов кладки. Ольга коснулась поверхности: холодная, слегка шершавая. Под верхним пролётом оставалось свободное место. Она нагнулась и увидела через него ограду, знакомые стебли, старую жестянку возле столба.

Никакой опоры.

Лестница уходила вверх над пустотой. Ольга не смогла сразу выпрямиться. То, что лежало на земле, ещё допускало грузовик, монтаж, дурную шутку. То, что висело над ней, не помещалось ни в одно из этих объяснений.

Рядом присел Андрей. Камеру он оставил на ремне.

— Вот, — сказал он.

Они некоторое время сидели под невозможным каменным пролётом вдвоём. Сверху доносился слабый звук, похожий на шаги по далёкому коридору.

Ольга подняла голову и ударилась затылком.

Андрей схватил её за плечо. Оба испугались, а потом засмеялись — коротко, совершенно не к месту. Боль оказалась такой обыкновенной, что Ольга почувствовала облегчение. Она потёрла голову и выбралась из-под лестницы.

Наверху никто не появился.

***

К рассвету двор перестал принадлежать центру.

Приехали люди с лентами и переносными ограждениями. Хозяин несколько раз пытался объяснить, где можно ставить машину, потом махнул рукой и занялся дверями: кто-то всё время оставлял их открытыми. Занятия отменили. Ольга сама звонила родителям, потому что девушке-администратору нечем было отвечать на вопрос, когда откроются снова.

В одном разговоре она сказала: «У нас техническая неисправность», — и сразу посмотрела на лестницу.

Леонид услышал.

— Уж скорее техническая возможность, — пробормотал он.

Она не засмеялась. Он тоже.

Люди за ограждением снимали вверх. Кто-то требовал пустить, кто-то уверял, что ночью здесь работал кран. Ольга увидела мальчика лет четырнадцати, который показывал приятелю,

где надо пролезть. Сказала полицейскому. Тот устало кивнул и переместил ограждение так, чтобы закрыть проход между машиной и стеной.

Больше всего её удивляло, что лестницу видят все. Она не исчезала, когда на неё переставали смотреть. Соседская лампа погасла, стало светло, прошёл первый автобус — а камень оставался на месте. Даже нелепый бумажный стаканчик, поставленный кем-то на нижнюю ступень, не провалился и не улетел.

К ним подошёл широкоплечий мужчина в тёмной куртке. Представился Петром Савиным, спросил, кто трогал ступени, кто заходил дальше и есть ли у кого-нибудь запись самого появления.

— Появления нет, — сказал Леонид. — Я сидел в комнате. Услышал, как упало.

— Что упало?

— Доски. Они лежали здесь. Нижняя ступень их сдвинула.

Пётр попросил показать первоначальное место. Слушал внимательно, не улыбаясь, потом вышел за ограду и обошёл лестницу с другой стороны. Вернулся с мокрыми коленями.

— Под ней никто не оказался?

— Не видели никого.

— Тогда сначала это выясним.

Он не сказал ни одного слова о звёздах. Ольга поймала себя на обиде и тут же поняла, что обижаться глупо. Пётр смотрел туда, где мог лежать человек, а она всё время смотрела выше.

Позже привезли маленький летательный аппарат. Оператор поднял его над двором и провёл вдоль нижнего пролёта. На экране камень был виден так же ясно, как в жизни. Когда аппарат приблизился к повороту, изображение дрогнуло; он послушно отступил назад. Повторили с другой стороны. Теперь на экране оказалась ограда, хотя аппарат висел выше крыши.

Оператор приземлил его, осмотрел, заменил батарею. Никто не кричал о чуде. От этого повторная попытка стала ещё страшнее.

Леонид стоял возле Ольги.

— Не высота, — сказал он тихо.

— Что?

— Посмотри на верхнюю стену. Мы видим её как будто отсюда до неё десять шагов. А дерево за ней — как с земли. Там два разных расстояния в одном месте.

— Ты знаешь, что это значит?

— Нет.

На этот раз он произнёс слово с такой радостью, что Ольга невольно посмотрела ему в лицо. Леонид перестал сутулиться. В глазах у него было то выражение, с которым он когда-то показывал ей первый хороший снимок, сделанный собственными руками, — ещё до усталых занятий, чужих ремонтов и разговоров о том, на что нет денег.

Ей захотелось разделить эту радость целиком.

Сверху снова донёсся стук.

Пётр поднял руку, прося всех замолчать. За оградой продолжали разговаривать, но возле лестницы стало тихо. Ольга услышала три глухих удара, паузу, потом ещё два. Как будто кто-то шёл в тяжёлой обуви и остановился перед дверью.

— Там есть люди? — спросил хозяин.

Никто не ответил.

Леонид смотрел на поворот. Его пальцы медленно сжимались и разжимались.

Глава 4. Те, кто поднялся

Тамара Ширяева появилась с двумя плоскими ящиками и сразу попросила не помогать.

— Нижний за ручку нельзя. Она декоративная.

Ольга убрала руку. Тамара поставила ящик на пол, нажала носком ботинка на край крышки и выдернула из-под замка ремешок, который мешал его открыть. Всё это она проделала с усталым раздражением, хорошо знакомым Ольге.

Леонид назвал её фамилию и добавил:

— Мы вместе работали. Тамара умеет заставлять приборы говорить правду.

— Приборы и так говорят. Это ты любишь потом переводить.

Она коротко пожала Ольге руку. На пальце у неё было широкое серебристое кольцо без камня. Перед тем как открыть вторую крышку, она сняла его и убрала в карман на груди.

Ольга хотела спросить, что именно привезли. Тамара сама развернула перед ней экран и показала картинку с маленькой камеры на длинном кабеле.

— Попробуем посмотреть за поворот без человека. Самоходную тележку уже пробовали?

— Застревает, — сказал Леонид. — Возвращается туда, откуда ушла. Как аппарат утром.

— «Застревает» и «возвращается» — не одно и то же.

Он кивнул.

Они разговаривали не как учитель и ученица. Ольга заметила это с маленькой завистью: Тамара не старалась заслужить право возражать. Право у неё уже было, вместе с тяжёлыми ящиками и недоверием к красивым словам.

У лестницы стоял высокий молодой мужчина с верёвкой через плечо. Увидев Тамару, он взял верхний ящик за нижние края, дождался её кивка и понёс. Второй поднял коренастый человек с седой щетиной и очками на шнурке.

— Роман Жилин, — представился высокий. — А это Семён. Нас прислали таскать умное.

— Меня никто не присылал, — сказал Семён. — Я сам согласился. Думал, умное легче.

Роман улыбнулся. Семён не улыбался, но голос у него был вполне дружелюбный.

Роман работал в спасательной группе Петра. Семён много лет монтировал аппаратуру вместе с Тамарой и приехал по её звонку; он уже знал, какой ящик нельзя поднимать за ручку.

К тому времени у нижнего пролёта уже сделали проход между двумя ограждениями. Посторонних отвели дальше. В центре временно разместились люди, чьи фамилии Ольга не успевала запоминать: представители разных служб, связисты, приехавшие специалисты. Ей задавали одни и те же вопросы; она начала показывать страницу тетради, чтобы каждый раз не вспоминать время первого наблюдения. Один мужчина сфотографировал страницу и попросил забрать тетрадь для копирования остальных записей. Она согласилась и потом, к собственному удивлению, пожалела. Тетрадь была нужна ей не только для сведений.

Пётр вернул её через час.

— Сняли копии. Ваше держите.

— Спасибо.

— Тут ещё список детей. Его кому попало не надо.

Ольга быстро перелистнула к нужной странице. Среди записей о звезде действительно оставался номер телефона Егора. Она закрыла тетрадь.

Пётр уже смотрел в сторону лестницы.

— Пока выше площадки никто не идёт. Это вы всем своим скажите.

Он произнёс «своим» без насмешки, но Ольга всё равно почувствовала, что её отнесли к людям, которых приходится удерживать. Посмотрела на Леонида. Тот стоял возле Тамары и примерял к кабелю тонкую белую ленту, чтобы видеть движение на расстоянии.

Камера на длинной штанге прошла выше поворота.

На экране возникла стена с низким проёмом. Из него тянулся длинный, уходящий вправо коридор. На полу лежал снег. Дальше снег кончался, и камень становился тёмным.

Ольга подошла ближе. Рядом теснились люди, но никто не касался экрана. Теперь у невозможного места оказалась внутренняя сторона — пол, край проёма, обыкновенный угол стены, куда могли скатиться пыль и мелкий мусор. От этого лестница перестала казаться явлением, которое можно целиком описать снаружи.

— Ещё чуть, — сказал Леонид.

Семён выдвинул штангу. Картинка качнулась. В глубине коридора промелькнула белая полоса.

— Назад, — сказала Тамара.

Он сразу потянул. В кадре снова появилась пустая стена.

— Там кто-то был? — спросила Ольга.

— Пока не знаю. На записи посмотрим.

Леонид наклонился к экрану так близко, что закрыл его плечом.

— Это не снег. Движение поперёк.

— Отойди. Я тоже хочу видеть.

Тамара забрала у него место перед изображением. Прокрутила фрагмент несколько раз. Белая полоса могла оказаться человеком в светлой одежде. Могла — дверью, которую закрыли. На последнем просмотре Ольга увидела нечто похожее на согнутый локоть и уже не сумела разглядеть ничего другого.

Пётр попросил сохранить файл отдельно.

Вечером с площадки удалось разговаривать по радио. Роман поднялся до поворота, оставаясь снаружи проёма, описал пол и вернулся. Камера передала его лицо: широкое, покрасневшее от холода, совершенно живое. Воздух наверху был пригоден для короткого пребывания — это установили не по его уверениям, а приборами, которые он поднял вместе с собой. За дальнейшие помещения никто не поручился.

Ольга смотрела, как Роман спускается. До середины пролёта его шаги были слышны слишком близко. Потом вдруг стали обыкновенными.

Он сел на нижнюю ступень и стряхнул снег с ботинка.

— Там есть крыша, — сказал он.

***

Первую короткую разведку назначили на утро.

Ольга узнала об этом от Леонида. Он говорил, стоя у автомата с водой, и дважды не попал стаканчиком под струю.

— Четверо. Роман идёт первым, отвечает за движение. Тамара смотрит приборы. Семён тянет линию и ставит камеру. Я — то, ради чего эту камеру ставят.

— А я?

Он перестал возиться со стаканчиком.

— Ты здесь.

— Почему?

— Потому что кто-то должен продолжать наблюдения снизу. И потому что наверх не пускают всех желающих. Мы туда на полчаса, Оля. До следующего открытого помещения, без боковых ходов.

— Значит, я все желающие, а ты нет.

Леонид поставил стаканчик на полку. Вода дрожала у самого края.

— Я двадцать лет ездил на станции, где ломается всё, кроме погоды. Тамара там же собирала аппаратуру. Это не делает нас хорошими путешественниками в чужой мир. Но у нас хотя бы есть общая работа, которую мы умеем делать без длинных объяснений.

— Ты уже решил, что мир чужой.

— А ты нет?

Ольга отвернулась. Самое обидное состояло в том, что ей действительно хотелось идти с ними, даже если наверху окажется только ещё один коридор. Она могла придумать пользу своего присутствия, несколько вполне разумных причин, но ни одна не была первой.

Леонид помолчал.

— Я ничего у тебя не забираю. Ты это увидела раньше нас.

— Егор увидел раньше меня.

— Ну так тем более. Не поднимать же мальчика.

Он сказал это мягко, пытаясь рассмешить, и тем окончательно испортил разговор.

Ольга ушла в свой кабинет. Там на столе лежал конверт со свечкой. Она взяла его и вдруг ясно поняла, как мало вещей сейчас может закончить. Позвонила деду, попросила завтра не привозить Егора к центру и предложила оставить конверт у охраны соседнего здания, где дед работал. Тот согласился, но спросил, правда ли то, что показывают.

— Лестница есть, — сказала Ольга.

— А звёзды?

— За последние две ночи пропала ещё одна точка. Мы проверяем с разных мест.

— Ему говорить?

Ольга некоторое время слушала, как за стеной передвигают стол.

— Не пугайте. Если спросит, скажите: люди разбираются. Это правда.

Она не добавила, что сама впервые не знает, относятся ли к таким людям те, кто собирается подняться утром.

***

Роман сидел на полу у раскрытого рюкзака и выбирал между двумя парами перчаток.

— Эти теплее, — сказал он Ольге, хотя она ничего не спрашивала. — В этих пальцы лучше. Вот если бы можно было брать руки отдельно и менять по погоде.

Он положил обе пары в рюкзак.

— Решено.

За его спиной Семён скручивал короткую стропу. На шнурке у него висели очки; время от времени он надевал их, чтобы посмотреть на шов, затем снова снимал.

— Ты же на полчаса, — сказала Ольга.

Роман посмотрел на неё снизу.

— Ну да. Поэтому беру на дольше.

Он не объяснил, сколько именно. В рюкзаке уже лежали вода, еда, тёплый слой одежды и несколько запаянных пакетов. Ольга поймала себя на том, что считает их, как будто по количеству можно узнать, всё ли закончится хорошо.

На телефоне Романа зазвучала музыка. Он посмотрел на экран и ответил с улыбкой, которая исчезла прежде, чем он успел заговорить.

— Наташ, я сейчас. Нет, там не сутки, там коротко. Я тебе сказал как есть.

Ольга отступила к двери, но он махнул ей остаться.

— Я видел картинку. Да, очень красиво написали. «Добровольцы идут к звёздам». Я не к звёздам. Я на пол посмотреть и обратно.

Он замолчал, слушая. Семён перестал перебирать стропу.

— Хорошо, — сказал Роман. — Позвоню сам. Не сообщением.

Убрал телефон, несколько секунд держал руку на рюкзаке.

— У нас в ванной стену разобрали, — сказал он Ольге. — Жена уверена, что я и это придумал, только бы не выбирать плитку.

Ольга улыбнулась из вежливости. Роман заметил.

— Я правда не люблю плитку выбирать. Там двадцать одинаковых, а сказать «всё равно» нельзя. Попадаешь ещё на двадцать.

Семён наконец засмеялся.

— Это ты долго жил. Мне дают две и сразу говорят, какая правильная.

— Везёт.

— Я тоже так считаю.

Тамара позвала их из коридора. Роман поднялся, подтянул лямки и посмотрел, не осталось ли чего на полу. Ольга увидела под столом маленький рулон белой ленты, подняла и протянула ему.

— Спасибо. Вот это нужнее перчаток.

Он сунул ленту в боковой карман и вышел.

Ольга пошла следом.

У лестницы их снова пересчитали, проверили связь. Пётр отдельно повторил, где заканчивается разрешённый путь. Если впереди придётся что-либо открывать, если не видно пола, если пропадает ответ снизу — назад. Леонид слушал спокойно, без привычной усмешки. Тамара попросила повторить последний радиовызов, потому что снаружи мешал двигатель машины.

Семён поправил катушку с кабелем. Его жена стояла за ограждением. Ольга узнала её по тому, как он посмотрел в ту сторону, ещё прежде, чем женщина подняла руку.

Леонид подошёл последним.

— Будешь видеть нас на экране, — сказал он Ольге.

Она не ответила сразу.

— Если там будет дверь, не открывай.

Он чуть нахмурился.

— Я слышал условия.

— Я не про условия.

Леонид посмотрел ей прямо в лицо. На миг ей показалось, что он сейчас скажет что-нибудь важное — не про работу, а про то, почему человеку в шестьдесят один год трудно остановиться перед первым настоящим чудом своей жизни.

— До встречи, Оля, — сказал он.

Они поднялись один за другим. Роман, Тамара, Леонид, Семён с катушкой. На повороте Роман остановился и показал вниз поднятую ладонь. Тамара присела, поправляя кабель у самого края. Леонид ждал. Пока всё выглядело как обычная работа на необычном месте.

Потом Роман перешагнул порог.

В динамике раздался его голос:

— Пол есть. Проходим прямо.

Ольга посмотрела на часы.

Первые семь минут они видели стену, спины, снег на подошвах. Тамара поставила приборы, произнесла цифры, которые повторил человек возле экрана. Семён закрепил камеру на маленькой опоре у входа и несколько раз показал рукой направление кабеля. Леонид вышел из кадра, снова появился.

— Здесь справа открытое место, — сказал он. — Роман, посмотри.

— Мы туда не идём, — ответил Роман.

— Я не предлагаю идти. Посмотри отсюда.

Семён взялся за опору и повернул объектив вправо. Ольга увидела широкий светлый пол, чёрную полосу поперёк него и край чего-то круглого на стене. Затем изображение наклонилось. В динамике зашумело.

— Леонид, назад, — сказала Тамара.

Это были последние слова, которые они услышали разборчиво.

Пётр вызвал Романа. Кабель на катушке дёрнулся, лёг свободно. На экране осталась серая стена — не обрыв, не помеха, а стена с небольшой выщербиной, которую камера продолжала снимать.

Ольга подняла глаза на лестницу.

У верхнего поворота стояла та же стена. Только проёма в ней больше не было.

Глава 5. Сколько ещё осталось

Камеру вернули раньше людей.

Пётр поднялся к повороту с напарником и спустился, держа маленькую опору в руке. Кабель тянулся за ними целый. На корпусе осталась белая пыль, на одной ножке — полоса воды. Всё, что можно было проверить, продолжало работать.

Ольга подошла к нему, но он сам заговорил прежде вопроса:

— Проёма нет. Камень. Мы дошли до места, где он был.

— Они могли отойти вправо.

— Могли.

— Там на записи видно…

— Я видел запись. Теперь там стена.

Он произнёс это негромко. Ольге стало неловко за свой голос, будто она обвиняла его в том, что он недостаточно захотел пройти.

Они пересмотрели последние минуты. На большом экране заметили то, чего Ольга не успела различить сразу: за Леонидовым плечом через пол медленно шла тёмная полоса. Не тень человека — слишком широкая и прямая. Когда она дошла до края проёма, камера наклонилась. Дальше появился камень.

Никто в кадре не падал. Никто не кричал от боли. Этих двух отсутствий Ольга держалась первые несколько часов, пока не поняла, что они ничего не обещают на следующие.

Стену простукивали, осматривали, пробовали обойти. Снаружи аппарат показывал тот же поворот; поднятый по лестнице прибор доходил до камня. Через верхний край нельзя было перебраться: человек, двигавшийся по узкому боковому выступу, возвращался к той же выщербине, хотя снизу казалось, что идёт дальше. Его страховали, видели всё время, и всё равно Ольга не могла объяснить, в какой именно момент он оказался прежним человеком в прежнем месте.

Пётр остановил повторение.

— Один раз увидели. Второй без нового способа нам ничего не даст.

С ним спорили. Он выслушал, ответил кому-то по телефону, потом снова поднялся и посидел на верхней ступени, прижав ладонь к стене. Ольга видела это снизу. Позже он сказал, что ждал стука с другой стороны.

Стука не было.

***

Первую ночь после исчезновения она провела в центре.

В кабинете поставили раскладушку. Ольга легла поверх покрывала, не снимая джинсов, и долго слушала, как в коридоре ходят люди. Раньше шаги здесь прекращались после девяти; сейчас каждое возвращение звука казалось ей началом хорошей новости.

Андрей принёс подушку из машины.

— Она чистая, — сказал он. — Я на ней ещё не успел ничего пролить.

— Ты уедешь?

— Потом.

Он сел на пол у стены. Ольга подвинула ноги, предлагая ему край раскладушки, но он покачал головой.

— Развалится. Мне кажется, она только на твоей решимости держится.

Они помолчали.

— Ты снял, как они уходили? — спросила Ольга.

— Да.

— Мне потом дашь?

— Дам.

Он посмотрел на её руки. Она сжимала край покрывала и сама этого не замечала.

— Оля, я снимал общий план. Как люди идут вверх. Не последнюю встречу.

— Я знаю.

— Ты попросишь приблизить лицо, а его там не будет.

Она отпустила покрывало.

— Я знаю, — повторила тише.

Андрей остался на полу. Через некоторое время начал рассказывать о своей первой съёмке в школе: как ему дали сломанный штатив, а он не признался и весь праздник придерживал его коленом. Ольга слушала, закрыв глаза. Когда история дошла до того, что учительница похвалила его за неподвижность, она уже почти спала.

Проснулась от собственного вопроса:

— А потом?

— Потом я сел, — сказал Андрей. — И всё упало.

Она улыбнулась в подушку.

Утром его не было. На столе стоял стакан воды, накрытый чистой салфеткой. Ольга выпила и сразу пошла во двор.

Стена оставалась на месте.

***

Денис Обухов приехал на следующий день после ухода группы. Ему было около тридцати пяти, он носил очки в тонкой оправе и всё время забывал застегнуть карман, из которого выпадал карандаш.

Ольга встретила его, когда он стоял возле экрана с двумя изображениями одного и того же поворота.

— Вы Елагина? — спросил он. — Мне ваши снимки дали. Я Денис. Аппаратуру для наблюдений делаю, но лестницы до сих пор обходились без меня.

— Что-нибудь нашли?

Он не ответил сразу. Вывел на экран последний кусок записи, показал чёрную полосу на полу.

— Думал, тень от перекрытия. Но тень от перекрытия не должна одновременно менять то, что видно с улицы. Если, конечно, само перекрытие не лежит между…

Он замолчал, заметив её лицо.

— Простите. Я пока размышляю вслух.

— Можно.

— Вам сейчас от этого легче не станет.

— Мне от молчания тоже не легче.

Денис придвинул ей стул. Она села, и они стали смотреть вместе. Он не обещал объяснения, но задавал вопросы, на которые Ольга могла ответить: с какого места снимали, где стояла лампа, в какую сторону повернули камеру, что именно пропало первым. Она открыла тетрадь. Впервые за сутки записи понадобились не для повторного рассказа о несчастье.

К вечеру они разложили на столе три схемы: звёздный рисунок, двор и кадр верхнего пола. Сходства не получилось. Ольга почувствовала разочарование раньше, чем успела понять, чего ждала.

Денис заметил.

— Три картинки рядом очень любят становиться одной. Особенно если на столе места мало.

Она усмехнулась.

— Ты всегда так успокаиваешь?

— Нет. Иногда говорю, что сломалось, и все сразу успокаиваются сильнее.

Он убрал две схемы, оставив небо.

— Покажи третью.

— Третью пропавшую?

— Да.

Ольга отметила точку, которой не нашли прошлой ночью ни из двора, ни с другой площадки в городе. Денис спросил, когда именно она исчезла. Ольга не знала: заметили уже отсутствие. Отдельного кадра с моментом пропажи не было.

Он не стал дорисовывать время.

Она потом вспомнила именно это — свободное место возле третьей отметки.

***

Семён вернулся в полдень шестого дня после первого вопроса Егора.

Ольга в это время стояла возле автомата с водой. Стаканчик удалось поставить с первого раза; она подумала об этом с неожиданной злостью, словно сравнивала себя с Леонидом в бессмысленном испытании, которое теперь нельзя отменить.

Крик из двора заставил её пролить воду на запястье.

Она выбежала вместе с другими и сначала не увидела человека. В верхнем камне горела узкая медовая полоска. Из неё медленно выдвинулась рука. Потом плечо, голова, тёмная куртка.

Семён стоял на площадке и смотрел вниз.

В правой руке он держал фонарь.

Пётр уже поднимался. За ним шла женщина с медицинской сумкой, которую Ольга прежде видела в коридоре. Она остановилась на несколько ступеней ниже, позволяя Петру первым добраться до Семёна.

Тот отступил от протянутой руки. Не резко — скорее удивлённо, как человек, который не ожидал, что к нему можно прикоснуться.

Пётр что-то сказал. Семён кивнул и начал спускаться сам. На четвёртой ступени оступился. Пётр подхватил его под локоть, не задевая фонарь.

Ольга стояла у нижнего камня. Ей хотелось смотреть за спину Семёна, туда, где должны были появиться остальные. Полоска света наверху уже сузилась. Из неё посыпалось несколько снежинок.

Больше никто не вышел.

Семён дошёл до земли. Его жена протиснулась между двумя людьми и остановилась в шаге от него. Ольга узнала её: та приходила каждый день, садилась у стены и отказывалась идти домой прежде, чем кончалась смена дежурных.

— Сёма, — сказала женщина.

Он посмотрел на неё, потом на фонарь в собственной руке, будто только сейчас вспомнил, что держит.

— Лена. Не подходи пока.

Она всё-таки подошла. Обняла его за шею, оставляя руку с фонарём снаружи. Семён стоял неподвижно несколько секунд, затем положил свободную ладонь ей на спину. Пальцы у него дрожали.

Ольга отвернулась. Пётр отвёл людей к ограждению, попросил освободить проход внутрь. Андрей стоял по другую сторону дорожки с опущенной камерой. Она увидела, как он нажал кнопку, прекращая запись.

В кабинете Семёна посадили на стул. Медик представилась Кирой, попросила разрешения осмотреть руку, потом задала несколько коротких вопросов. Он отвечал медленно, но по делу. Знал своё имя, узнавал жену, помнил, сколько человек поднялось. Когда Кира спросила, где болит, он посмотрел на собственные ботинки.

— Ноги. И спать хочу.

— Сейчас посмотрим ноги. Потом дадим спать.

Пётр стоял у двери. Ольга — возле окна. Она не знала, зачем ей разрешили остаться; наверное, потому, что никто не заметил, как она вошла.

Семён поставил фонарь между ступнями и наклонился к шнуркам. Кира остановила его, сама помогла снять ботинок. На носке темнело мокрое пятно.

— Не трогайте его, — сказал Семён.

Кира замерла.

— Фонарь, — пояснил он. — Вы ногой сейчас.

Она переставила сумку подальше.

Только теперь Ольга разглядела светильник. Четыре тёмные плоские стороны держались в потускневшей медной оправе. Наверху была широкая дужка, снизу — тяжёлое основание с двумя короткими ножками. Внутри светилось что-то тонкое, похожее на согнутый золотой лист. Огонь не колебался. Ольга поискала глазами дверцу, но не нашла.

Семён посмотрел на неё.

— Вы про звёзды были, да?

Она кивнула.

— Сколько ещё осталось?

В комнате стало тихо.

Ольга не сразу поняла вопрос.

— Каких?

— Которые видно. Не погасли.

— Мы не знаем общего числа. Три точно не нашли там, где они были.

Он закрыл глаза.

Пётр подошёл ближе.

— Семён, где Роман?

Семён открыл глаза, но голову не поднял.

— Наверху.

— Живой?

— Когда видел, был живой.

— Когда ты его видел последний раз?

— Вчера. Или… Нет. Вчера. Мы спали один раз после того, как разошлись.

Кира присела перед ним, чтобы не спрашивать сверху.

— Ты сейчас сможешь рассказать коротко? Где остальные и нужна ли кому-нибудь срочная помощь. Подробности потом.

Он провёл ладонью по лицу. Щетина зацепилась за кожу сухим шорохом.

— Мы назад пошли. Сразу. Там стена стала, но мы назад пошли. Леонид говорил — это не та стена. А та, куда пришли, тоже не открылась.

— Хорошо, — сказал Пётр. — Потом?

— Долго ходили. Там лестницы внутри. Одни вверх, потом вниз, а выходишь выше. Не потому что кругами. Я метки делал.

Он посмотрел на Петра с внезапной злостью.

— Я знаю, когда кругами.

— Я не сказал, что кругами.

— Знаю.

Семён помолчал.

— Потом Роман пошёл искать проход. Тамара с ним спорила. Мы уже голоса слышали, а никого не видели. Леонид на голоса и пошёл. Я за ним, Тамара обратно. Потом я один остался.

— Почему один?

— Потому что не смог догнать. Нога. Сел. Думал, он вернётся.

Ольга посмотрела на мокрый носок. Кира осторожно освобождала его край от кожи.

— Он не вернулся?

Семён покачал головой.

— Другая пришла.

— Женщина?

— Белая вся. Лицо как… Не знаю. Не человек, по-моему.

Лена тихо сказала его имя. Он повернулся к ней, и злость сразу исчезла.

— Я не вру. Я сам сначала думал, человек. Она мне вот это дала.

Семён коснулся дужки фонаря.

— Сказала, нести низко. До пола светить. И всё время смотреть на те места, где свет остановится. Там путь.

Ольга подняла голову.

— Она говорила по-русски?

Он долго думал.

— Я понял, — сказал наконец. — Не знаю как. Но понял.

Кира выпрямилась.

— Всё. Теперь мы с ним остаёмся.

Пётр хотел спросить ещё, но посмотрел на Лену и отступил. Ольга уже взялась за дверь, когда Семён позвал её.

— Вы звёзды считайте.

— Почему?

— Она спросила. Белая. Сколько ещё видно с нашей стороны. Я не смог ответить.

Он наклонился, подтянул фонарь ближе к стулу.

— А потом сказала: если совсем перестанете видеть, он найдёт дорогу.

Ольга ждала, что Семён добавит, кто такой «он».

Но тот уже смотрел на жену, и она поняла, что спрашивать сейчас больше нельзя.

Глава 6. У нижней ступени

Семён спал, держась за дужку фонаря.

Его уложили на раскладушку в другой комнате. Лена сидела рядом и читала что-то на телефоне, не двигая пальцем по экрану. Ольга вошла за своим блокнотом, остановилась у двери и уже хотела уйти, когда женщина подняла голову.

— Он раньше и телевизор включённым не оставлял, — сказала она.

Фонарь стоял на полу возле раскладушки. Тёплое сияние ложилось на стену широким пятном. При дневном свете оно выглядело почти домашним, только слишком ровным: в нём не было ни дрожания, ни ясной середины.

— Можно прикрыть? — спросила Ольга.

Лена посмотрела на неё так, что та сразу пожалела о вопросе.

— Он попросил не трогать.

— Да. Прости.

Ольга взяла блокнот. На обложке остался след мокрого стакана; она провела по нему пальцем, не зная, что ещё сделать.

— Вы его обратно пошлёте?

Лена спросила спокойно. От спокойствия вопрос стал тяжелее.

— Я никого не посылаю.

— А кто посылает?

Ольга могла назвать Петра, людей в соседнем кабинете, какое-нибудь учреждение. Любой ответ позволил бы выйти из комнаты с чистыми руками. Она посмотрела на спящего Семёна.

— Не знаю, как решат. Но без него дорогу пока никто не знает.

— Значит, пошлёте.

Ольга осталась у двери ещё несколько секунд. Лена отвернулась к мужу, и разговор закончился без разрешения уйти.

***

После сна Семён рассказал то же самое, только в другом порядке.

Пётр не поправлял его по первой записи. Давал договорить, потом просил показать, где кто стоял. На столе лежал чистый лист. Семён нарисовал прямоугольник, стёр пальцем несуществующую ошибку, взял второй.

— Не так. Там вход здесь был, а когда повернулся, здесь уже стена. Я не могу вам нарисовать обычную комнату.

— Тогда рисуй, что видел перед собой, — сказал Пётр. — Без целого здания.

Это помогло.

Семён отметил площадку, место, где оставил камеру, и проход вправо. По его словам, Леонид подошёл к краю светлого пола, но ничего не успел открыть. Тёмная полоса пересекла камень сама. За ней закрылись сразу два пути: прежний вниз и тот, который они только что увидели сбоку.

— Ты видел его руки? — спросила Ольга.

— Одну. Вторую нет. Я камеру поворачивал.

Она записала именно это.

Они пошли назад, упёрлись в стену, вернулись к первой площадке. Роман не позволял расходиться. Дальше долго искали проход вчетвером. Снег был только у входа; в других поме-

щениях оказалось теплее. В одном нашлась вода — текла по узкому желобу. Сначала не пили, потом кончилась своя.

— На вкус? — спросила Кира.

— Вода как вода. Железом чуть отдавала. Я мало пил.

Она сделала пометку, не сказав, что это хорошо или плохо.

Роман ушёл один уже на следующий день. Они услышали стук, похожий на тот, что слышали снизу. Он велел остальным ждать и пошёл за ближайший поворот, привязав верёвку к каменному выступу. Когда верёвка ослабла, Семён хотел пойти следом. Тамара остановила: ждать условленного сигнала. Сигнал не пришёл. Они двинулись вдоль верёвки, а та кончалась возле глухой плиты, обрезанная ровно, без вытянутых волокон.

Пётр молчал так долго, что Семён начал объяснять снова:

— Не перетёртая. Как ножом. Я знаю, как бывает, когда трётся.

— Я понял.

— Мы его звали.

— Понял, Семён.

После этого Леонид услышал голос. Не Романов. Голос предлагал выйти к свету. Тамара требовала остаться у верёвки. Семён пошёл за Леонидом, думая, что тот вернётся с помощью; потом отстал из-за натёртой ноги. Белая нашла его уже одного.

— А фонарь? — спросил Денис.

Светильник стоял на столе между ними. Семён держал ладонь рядом с основанием, как будто прикрывал чужую чашку от неловкого локтя.

— Дала и показала. Сначала рукой под ним провела. Потом поставила на камень. Я смотрю — там дальше вниз видно. А только что стена была.

— Она с тобой не пошла?

— Не пошла. Сама назад. Хромала сильно. Я ей помог подняться, она меня оттолкнула.

— Что-нибудь ещё сказала?

Семён потёр лоб.

— Что он будет просить. Не верить, если попросит. Я спросил — кто. Она показала наверх. Потом свет убрала, и я уже её не понял. Слова были, а понять не мог.

Ольга перестала писать.

— Пока фонарь светил, понимал?

— Пока мы рядом с ним. Мне так показалось.

Денис наклонился к столу.

— А что у него снизу?

Семён поднял светильник. В основании была узкая щель с подвижной медной пластиной. Он сдвинул её ногтем, и на стол легла яркая полоска. Ольга увидела, как она пересекла край бумаги, спустилась на стул и кончилась у пола.

— Вот так сказала нести, — объяснил Семён. — Боками просто светит. А низом дорогу ищет.

Денис достал обычный фонарик и направил его рядом. Два пятна лежали на бумаге, одно белое, другое жёлтое. Ничего не произошло.

— Здесь не дверь, — сказал Семён.

— Я понимаю.

— По лицу не видно.

Денис рассмеялся первым. Ольга заметила, что Семён тоже улыбнулся, хотя тут же прикрыл нижнюю щель, будто смех мог заставить забыть важное.

***

К лестнице вынесли длинную штангу и две камеры. Пётр ещё раз объяснил: сейчас никто не проходит насквозь. Проверяют только то, может ли фонарь вернуть видимость входа. Сам Семён подниматься не обязан.

— Как же я покажу снизу? — спросил тот.

Кира посмотрела на него.

— На своих ногах сможешь? Без «надо».

Он прошёл несколько шагов. Хромал, но ступал увереннее, чем при возвращении. После осмотра и перевязки ботинки заменили более свободными. Кира попросила остановиться, проверила, не промокла ли повязка, и разрешила короткий подъём с поддержкой. Ольга видела, что Лена стоит у двери и слышит каждое слово.

Наверх пошли Пётр и Семён. Денис нёс камеру до площадки ниже поворота. Ольге позволили подняться следом, потому что она должна была сравнить видимый рисунок со снимками. Это объяснение впервые показалось ей достаточно слабым, чтобы не радоваться вслух.

Андрей оставался внизу, снимая весь пролёт. Кира — возле нижней ступени.

Камень оказался холоднее, чем Ольга ожидала. Даже через подошву чувствовался иной пол. Она держалась ближе к середине, стараясь не смотреть туда, где лестница висела над пустотой. Ступени были разной высоты. После пятой ей пришлось перестать считать, чтобы не ошибаться ногами.

На повороте Пётр стоял боком к стене. Семён поставил фонарь на камень и отодвинул нижнюю пластину.

Жёлтая полоска легла на пол. Там, где она коснулась стены, открылся узкий тёмный зазор.

Ольга слышала собственное дыхание. Зазор не расширялся сам. Семён медленно повернул фонарь, и вместе со светом по стене прошёл край проёма, обнажая ту же низкую дверь, которую они видели на первой записи.

За дверью лежал снег.

Пётр поднял рацию, вызвал нижнюю площадку. Получил ответ. Потом попросил Семёна немного прикрыть щель. Проём начал сужаться.

— Оставь, — сказал он.

Семён остановил пластину.

Денис выдвинул камеру на штанге. Она прошла над снегом, показала стену, угол, узкую полосу пола. Ничего живого в кадре не было.

Он потянул обратно и попросил Семёна закрыть нижний свет полностью. Стена вернулась. Обычный фонарь Дениса осветил камень ярче, чем прежде светил медный.

Проём не появился.

Они повторили при медном свете. Вход открылся на прежнем месте.

Ольга положила ладонь на стену сбоку от него. Камень был твёрдым. Подвела пальцы ближе к границе, но Пётр остановил её прежде, чем она коснулась края.

— Не рукой.

Он взял деревянную рейку, провёл её концом за порог. Рейка прошла свободно. Семён смотрел на него с испугом.

— Не закрывай на ней, — сказал он. — Я так не делал.

— И не будем.

Пётр вынул рейку. Ольга вспомнила обрезанную верёвку и почувствовала, как запоздало холодеет ладонь, которую уже хотела подставить чужому краю.

Они направили свет в другую сторону. Камень остался камнем. Открывался только прежний проход.

— Значит, не где захотим, — сказал Денис.

Он произнёс это почти с облегчением.

Семён попросил дать ему отдохнуть. Пётр сразу свернул пробу. Фонарь передали Денису, щель прикрыли, все четверо спустились. Ольга на середине лестницы оглянулась: дверь исчезла, а небо по обе стороны от верхней стены оставалось совершенно обычным.

***

Внизу Лена взяла мужа под руку. Он не возражал.

— Ты показал, — сказала она. — Теперь они сами.

Семён посмотрел на Петра. Тот собирался ответить, но Семён опередил:

— Там не только дверь.

— Сёма.

— Лен, я не хочу. Думаешь, я хочу?

Она сняла руку с его локтя.

Ольга стояла совсем рядом и знала, что следовало отойти. Но тогда получалось бы, будто она не слышала ответа, ради которого сама ждала здесь.

Семён положил ладонь на закрытый фонарь.

— Они останутся там, где я их потерял. А я буду сидеть и рисовать вам стены. Потом скажете: надо было левее, Семён. Надо было не так понять.

— Никто тебе этого не скажет, — произнёс Пётр.

— Я скажу.

Лена посмотрела на Ольгу.

— Вы же тоже пойдёте.

Ольга кивнула.

— Хочу пойти.

— Ну хоть так скажите.

Лена снова взяла Семёна под руку и повела к двери. Он шёл рядом с ней, оставив фонарь Денису. Впервые с момента возвращения светильник оказался далеко от его руки.

Денис держал его осторожно, обеими ладонями под основание.

— Я даже крышку не вижу, — сказал он Ольге. — Всё хочется найти винт, чтобы понять, с какой стороны к нему подойти.

— Не нашёл?

— Нет. И сегодня искать не буду.

Он поставил светильник на стол в комнате, где работали с аппаратурой. Ольга задержалась возле двери. Жёлтое пятно лежало на знакомом полу. До сих пор этот пол вёл только в коридор, к кабинету и к выходу во двор.

Она смотрела, как Денис ограждает стол от случайного движения ящиком с инструментами, и думала о том, что завтра сама будет просить отнести этот свет туда, где пола ещё никто не видел.

Глава 7. Люди для дороги

Домой Ольга заехала уже затемно.

Андрей остался ждать в машине. Она попросила не подниматься, хотя именно сейчас ей пригодился бы человек, который молча сядет на кухне и не даст забыть, зачем она пришла.

В прихожей лежал конверт с коммунальной квитанцией. Кто-то просунул его под дверь. Ольга переступила, вернулась, подняла и положила на тумбу. Потом сняла обувь, прошла в комнату и остановилась возле сушилки.

Бельё, которое она собиралась убрать в ночь первого наблюдения, всё ещё висело. Рукав серой рубашки сполз на пол. Она подняла его и начала снимать вещи одну за другой. Аккуратно сложила полотенце, хотя могла просто оставить на стуле.

Телефон зазвонил, когда она снимала последнюю наволочку.

Мать спросила, почему она не перезванивает.

— На работе всё время.

— Я вижу, что у вас на работе. Ты мне раньше телевизора могла сказать.

Ольга села на край кровати. Наволочка осталась у неё на коленях.

Мать жила в другом районе Перми и говорила о лестнице так, будто ту поставили нарочно в неудобном месте: людям теперь не пройти, занятия отменили, все толпятся. Пока она сердилась, можно было не отвечать на главный вопрос.

— Ты туда не полезешь? — спросила наконец.

Ольга посмотрела на раскрытый шкаф.

— Завтра поднимусь с группой.

На другом конце стало тихо.

— Зачем?

Она начала объяснять про пропавших, фонарь, странную женщину, которой нужно знать о звёздах. На середине остановилась. Всё звучало как рассказ о чужой необходимости, в которой для самой Ольги предусмотрели удобное место.

— Я могу помочь, — сказала она. — И я хочу увидеть, что там.

Мать вздохнула.

— Первое мне понятнее.

— Мне тоже.

— Ты врёшь сейчас?

— Нет.

Ольга провела ладонью по наволочке. В ткани осталось твёрдое место возле шва — она опять плохо выполоскала порошок.

— Ключи у тебя есть, — сказала она. — Если не позвоню вечером, не думай сразу плохого. Там связь может не работать. Я оставлю номер человека внизу.

— Ты мне не объясняй заранее, как не думать.

Ольга закрыла глаза.

— Хорошо.

— Возьми тёплые носки. Те, которые я давала, не тонкие.

— Возьму.

Мать ещё немного поговорила о носках, словно в этом оставалось последнее место, где её решение могло что-то изменить. Ольга не перебивала. После звонка нашла нужную пару, положила на кровать и заплакала — без того облегчения, которое обещают слёзы. Просто сидела, сжимая ткань, пока снизу не пришло сообщение Андрея: «Я здесь. Не тороплю».

Она ответила одним словом и пошла собираться.

Из холодильника вынула торт. Крем уже расплылся, но запах был всё тот же, сладкий и тяжёлый. Ольга завернула коробку в пакет и оставила у двери, чтобы вынести. В первый раз за неделю не пожалела ни торта, ни потраченных денег.

***

В центре на столе лежали пять рюкзаков.

Ольга поставила свой рядом, и Пётр сразу вынул из него толстую книгу, которую она собиралась взять как справочник.

— Вот это зачем?

— Карты.

Он пролистнул. В книге было много текста и всего несколько нужных ей разворотов.

— Сними страницы. Бумагу возьми отдельно.

Она хотела возразить: телефон может сесть, листы намокнуть, книга надёжнее. Потом поняла, что защищает не книгу. С ней поездка становилась похожа на знакомую работу, где любую неизвестную вещь можно найти в указателе.

Ольга достала тонкую папку.

Пётр не стал торжествовать. Перешёл к соседнему рюкзаку, вынул у Дениса второй тяжёлый блок питания и молча положил на стол. Денис открыл рот, посмотрел на уже отложенное и закрыл.

Состав обсуждали долго. Из первой группы возвращался Семён; без его памяти о местах помощь могла снова пройти мимо. Пётр шёл сам. Кира Летова, фельдшер, должна была осмотреть найденных и решить, кого можно вести своим ходом. Денис отвечал за странный свет и за всё, что удастся измерить без разборки чужого устройства. Андрей брал запись и связь внутри группы; с Петром он уже работал на земных поисках и умел слушать его команды без спора о кадре.

Шестой Ольга стала не сразу.

Пётр предложил ей передать снимки и остаться. Она разложила их перед Семёном, попросила показать, что именно Белая спрашивала о небе. Семён нахмурился, ткнул в один лист, потом в другой.

— Не так. Там было семь. Или вроде семи. Она рукой показывала в стену, я не понял.

Ольга повернула лист, где они отметили исчезнувшие точки. Он снова покачал головой.

— Вам надо самой смотреть, — сказал Семён. — Я могу не то принести.

— Любой, кто знает небо, сможет посмотреть, — возразил Пётр.

— Сможет, — согласилась Ольга. — Но я знаю, что мы видели здесь, раньше всех снимков. И Леонид меня знает. Если он не хочет идти обратно, я хотя бы смогу с ним говорить.

— Это не всегда помогает.

— Я знаю.

Она сказала это так, что Пётр перестал искать следующий довод. Потом всё-таки спросил, готова ли она оставить любой разговор и идти, когда он потребует. Ольга ответила «да». Ей хотелось, чтобы обещание получилось простым. Пётр записал её имя шестым.

Большую группу пока не собирали: единственный светильник открывал только узкий вход, о движении внутри знали со слов одного человека, а второй фонарь взять было негде. Снаружи оставались люди и техника. Внутри у шестерых был поиск, а не право пробовать всё подряд. Они договорились сначала дойти до места, где Семён расстался с остальными, и искать обратный путь прежде, чем закончится первый день. Еду взяли на несколько дней сверх этого; воду, тёплые вещи и общее снаряжение распределили так, чтобы Семёну досталась самая лёгкая ноша.

Ольга увидела на столе небольшие пустые ёмкости и фильтр. После рассказа про верхний желоб никто уже не обещал, что принесённой воды хватит на всё. Кира отдельно сказала: неизвестный источник не становится безопасным оттого, что однажды из него попили. Денис кивнул и подписал чистые ёмкости для проб.

Он хотел наклеить на медный фонарь маленькую метку, но Семён попросил не закрывать ни одной стороны. Денис показал узкую полоску на дужке, дождался согласия и только тогда приклеил. На ней было написано обычным карандашом: «Наш».

— Чтобы не перепутать с десятком таких же, — сказал Андрей.

— Чтобы чужой не схватить, когда устанешь, — ответил Денис.

***

Кира застёгивала медицинскую сумку, когда у неё зазвонил телефон. Она прижала аппарат плечом к уху и продолжила укладывать широкую повязку.

— Да, слышу. Нет, ключ не у меня. У Иры.

Она послушала, подняла глаза к потолку.

— Пап, я тебе вчера сказала. У Иры. Я сейчас не могу приехать и искать вместе с тобой.

Ольга отошла, но Кира сама повернулась к ней и показала на лежавший возле края рулон пластыря. Та подала.

— Позвоню. И ты позвони Ире, пожалуйста, пока она не ушла.

Кира убрала телефон.

— Он уверен, что если я помню, где его таблетки, то должна помнить и все ключи.

— Живёте вместе?

— Нет. Поэтому и уверен. Когда жила рядом, знал, что я сама теряю.

Она улыбнулась, подтянула ремень сумки и спросила Ольгу о лекарствах, которые та принимает постоянно. Получила ответ, записала, попросила не прятать личные препараты так глубоко, чтобы никто не мог найти.

— Ты сама хочешь идти? — спросила Ольга.

Кира не сразу подняла голову.

— Там люди без помощи. Этого мне достаточно.

— Я не про работу.

— А я про неё. Не всё у меня должно начинаться с желания.

Она сказала это без упрёка, и Ольга всё же услышала упрёк. Хотела объяснить себя, но Кира уже спросила, не натирают ли новые ботинки.

***

Перед рассветом она наконец отдала конверт со свечкой.

Охранник соседнего здания записал фамилию получателя, поставил конверт в маленькую коробку и попросил расписаться рядом с номером. Ольга расписалась. Удивилась собственному облегчению: одно обещание теперь имело конец, который не зависел от лестницы.

Когда она вернулась, Андрей стоял возле машины и смотрел на экран камеры. На нём шесть рюкзаков лежали в ряд, как чужие спины.

— Ты это тоже снимаешь?

— Да.

— Зачем?

Он убрал экран.

— Чтобы потом помнить, сколько было вещей. И как мы выбирали. Не только то, что наверху.

Ольга прислонилась к машине рядом с ним. Двор был тихим; даже те, кто дежурил всю ночь, говорили негромко. Возле ограды стояла женщина в светлой куртке. Андрей сказал, что это Наташа, жена Романа.

— Она со мной хотела поговорить, — добавил он. — Думала, у меня есть запись, где он что-нибудь сказал перед уходом.

— Есть?

— Нет. Только общий план.

Ольга посмотрела на женщину. Та держала руки в карманах и покачивалась с пятки на носок, будто стояла на остановке и не хотела упустить подъезжающий транспорт.

Ольга подошла к ней сама.

— Мы попробуем найти его.

Наташа кивнула.

— Вы с ним говорили?

— Перед тем как он пошёл. Про перчатки. И про ремонт.

Женщина быстро взглянула ей в лицо.

— Про плитку?

— Да.

Наташа усмехнулась. Улыбка вышла злой и сразу исчезла.

— Я ему сказала: выбирай любую серую. Он решил, что это ловушка.

Ольга не знала, что ответить. Ей хотелось вернуть женщине весь тот разговор на полу, вместе с двумя парами перчаток и Семёновым смехом. Но теперь каждое слово выглядело бы маленькой вещью, которую она вынесла вместо человека.

— Я не буду обещать, — сказала она.

— Не надо. Если найдёте, пусть сам позвонит.

Наташа отвернулась к лестнице. Ольга постояла рядом ещё немного и вернулась к своим.

Семён уже был в новых ботинках. Лена поправляла ему воротник, хотя тот сидел ровно. Денис проверял метку на фонаре. Кира спорила с Петром о том, куда убрать одну из общих сумок; Пётр выслушал и перенёс её к себе.

Ольга надела рюкзак и почувствовала, как лямки сразу потянули плечи назад. Андрей помог подтянуть ремень, не спрашивая. Она повернулась, чтобы поблагодарить, но он уже смотрел на верхний поворот.

Лестница ждала в летней траве. На её первой ступени лежал свежий снег.

Глава 8. Первый поворот

Сначала Ольга видела спину Петра и руку Семёна с фонарём. Всё остальное закрывал рюкзак Дениса, который шёл перед ней и старался не задевать прибором каждый каменный выступ.

Ей хотелось обернуться. Внизу оставались люди, с которыми она только что разговаривала, и обыкновенная возможность снять рюкзак, сказать, что ошиблась, пойти к машине. Но для поворота требовалось остановиться на ступени и заставить остановиться остальных. Ольга смотрела на чужую лямку, пока сама возможность не показалась стыдной.

— Не торопимся, — сказал Пётр.

Он не видел её лица. Просто услышал, как она стала дышать.

На площадке все шестеро поместились тесно. Семён опустил светильник, отодвинул нижнюю пластину. Проём открылся. В первый миг Ольга увидела только снег и свою тень, вытянутую внутрь чужого помещения.

Пётр прошёл первым. Встал сбоку, принял фонарь у Семёна и поставил сразу за порогом, направив нижний свет обратно, к наружной ступени. Проём оставался открытым. Семён перешагнул следом, потом Денис, Ольга, Кира. Андрей задержался с камерой, но Пётр позвал его по имени, и тот сразу вошёл.

Ольга не почувствовала перехода. Не закружилась голова, не изменилось давление в ушах. Подошва встала на холодный камень. Впереди пахло сухой пылью и чуть-чуть — мокрой шерстью, хотя ничего шерстяного она не видела.

Андрей убрал камеру в крепление на груди и наклонился к ней.

— Ты как?

— Пока никак.

— Понятно.

Снаружи в проёме было утро. За плечом Петра она видела кусочек неба и край крыши центра. Внутри свет оставался серым. Ольга повернулась, рассчитывая увидеть, куда тянется коридор, и поняла, что его потолок находится гораздо выше внешней стены. Снизу эта стена выглядела просто чёрным прямоугольником над лестницей. Здесь под ней помещался дом.

На снегу сохранились следы. Разной глубины, с наложенными друг на друга подошвами. Семён присел, не касаясь пола руками.

— Здесь наши. Четверо прошли. Обратно потом тоже здесь искали.

Пётр попросил пока не идти дальше. Денис поставил свой прибор, сверил показания с теми, что успели передать первые. Ольга стояла неподвижно, слыша за спиной короткие переговоры с нижней площадкой. По радио отвечали. Телефон уже не показывал сеть, но камера продолжала снимать.

Потом Пётр взял фонарь.

— Сначала обратно.

Семён кивнул. Остальные остались у внутренней стены, где пол был сплошным и хорошо видимым. Пётр поставил светильник на пороге, шагнул на наружную площадку и взял его оттуда. Семён вышел следом. Несколько секунд Ольга видела их спины, затем щель фонаря отвернулась от входа.

Стена закрылась перед ней без звука.

Кира стояла слева. Денис — у прибора. Андрей снял руку с камеры и положил Ольге на локоть, но она не сразу поняла, зачем.

Перед ними не было ни двери, ни шва. Только ровный серый камень. Ольга знала, что это условленная проба. Знала, что Пётр должен спуститься до нижней площадки, передать запись и вернуться. От знания холод под рёбрами не уменьшался.

Она посмотрела на часы.

Денис тоже. Они встретились глазами и оба отвернулись, будто поймали друг друга за чем-то неловким.

Андрей заговорил о том, что сверху их голоса звучали слишком близко. Кира ответила. Потом спросила Ольгу, не мёрзнут ли руки. Ольга сказала, что нет, хотя пальцы успели остыть.

Не прошло и нескольких минут, когда на камне появилась жёлтая черта.

Пётр открыл проход, поднял ладонь. Семён стоял за ним. В руке у него был обычный бумажный пакет, который они оставили внизу.

— Передали, — сказал Пётр. — Внизу ждут. Сейчас вход на прежнем месте, с обеих сторон открывается.

Семён поставил пакет возле Киры. Та достала забытый моток перевязочного материала и убрала в сумку.

Ольга смотрела на пакет дольше, чем требовалось. Тонкая бумага, смятый угол, магазинная печать. Его просто принесли с Земли через дверь, которая минуту назад была стеной.

Пётр собрал всех возле входа.

— Ещё раз. Мы умеем открыть вот этот проход. Про следующие не знаем. Пока идём туда, откуда Семён вышел. Все решения на местах. Если кто-то хочет вернуться сейчас, скажите.

Никто не ответил.

***

После первого поворота стало теплее.

Снег лежал последней узкой полосой возле порога. Дальше камень был сухим. По стене тянулись неглубокие борозды, слишком ровные для трещин; кое-где они сходились под прямым углом и уходили вверх. Денис провёл по одной светом обычного фонаря. На мгновение в глубине блеснуло что-то гладкое.

— Потом, — сказал Пётр.

Денис убрал руку. Ольге захотелось поблагодарить Петра за то, что остановили не её.

Семён шёл медленно, но узнавал дорогу. Показал маленькую царапину на стене, где они с Тамарой поставили знак. Ниже осталась полоска белой ленты. Ольга вспомнила рулон в руке Романа.

— Он клеил?

— Да. Я сначала ножом хотел. Роман сказал, нечего тут имущество портить.

Семён попытался улыбнуться и не смог.

На первом разрыве они остановились.

Коридор кончался у широкой щели. За ней виднелось продолжение пола — всего в шаге, но ниже лежала темнота, в которой не было заметно дна. Семён нахмурился.

— Когда я шёл, тут было.

— Что было? — спросил Пётр.

— Ступень.

Он опустил фонарь ниже.

В жёлтом пятне появился камень.

Ольга видела, как проступили зернистая поверхность, короткая царапина и притуплённый край. Это не походило на освещённую ступень, которая всё время стояла в темноте: обычный фонарь Петра уже светил туда, и до этого его луч уходил вниз.

Семён поднял медный светильник на несколько пальцев. Край камня истончился и пропал.

— Стой, — сказал Пётр.

Семён замер.

— Опусти, как было.

Ступень вернулась.

Пётр положил на неё конец рейки, которую взял после вчерашней пробы. Надавил. Дерево согнулось. Затем медленно провёл концом к границе света. Там опоры не было.

Ольга подошла ближе, держась за выступ стены.

— Если свет убрать…

— Да, — сказал Пётр. — Поэтому никто его не убирает.

Он попросил Андрея стать возле Семёна и придерживать его локоть, чтобы рука не дрогнула от усталости. Сам перешёл первым. Поставил обе ноги на постоянный пол по ту сторону, проверил ближайший участок стены. Остался у дальнего края, откуда мог подать руку остальным.

— Один за другим. На краю не задерживаемся. Фонарь передадим с той стороны, когда останется Семён.

Денис прошёл, не глядя вниз. Кира — после него. Перед Ольгой расстояние вдруг стало больше: один короткий шаг превратился в место, где нужно доверить вес тому, чего без чужой руки вообще не существовало.

Она переставила правую ногу. Камень держал.

Левая не поднималась. Ольга стояла растянувшись, одной ногой на прежнем полу, другой на тёплом пятне. Видела Петра впереди и знала, что именно сейчас мешает ему делать свою работу.

— Смотри на меня, — сказал он. — Вес уже там. Осталась нога.

Она перенесла вес и шагнула.

Пётр не потянул её, только придержал за ремень. Когда обе ноги оказались рядом, Ольга почувствовала боль в ладони: слишком сильно вцепилась в каменный выступ.

Андрей перешёл следующим. С того берега он протянул руку к дужке фонаря. Семён передал её, оставаясь на прежнем полу. Андрей опустил светильник на нужную высоту. Жёлтое пятно дрогнуло, но ступень не исчезла. Пётр поддержал Семёна за предплечье, пока тот делал короткий неловкий шаг.

Последним убрали свет.

Камня под ним больше не было.

Денис сел у стены и снял очки.

— Вот теперь я понимаю, зачем он сказал нести низко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.